

ВОИНСТВУЮЩИЙ ВЕРУЮЩИЙ АТЕИСТ

Борис Ихлов

По плодовитости его можно сравнить с Фаддеем Булгариным, он оставил огромное творческое наследие – свыше 80 томов, плюс десяток томов переписки, что превышает объем собрания сочинений Маркса и Энгельса и даже полное собрание сочинений Ленина. При этом обнаруживал невежество в самых простых вещах.

Переписывался с главами империй, был приглашен ими, и стал знаменем революций, свергавших императоров.

Проповедник революции – утверждал, что народы нуждаются в узде.

Голова нашего героя будто забита нелепостями: он верует в договор между властью и обществом, считает, что общественные преобразования возможны только «сверху», что монархи только потому тираны, что подвержены религии, посему нужно избавить их от религиозного фанатизма путем просвещения, а саму религию «поставить в абсолютную зависимость от государя». Но – тут же! – с благосклонностью пишет о революции в Англии.

Википедия уверяет, что он остался до конца жизни монархистом, сторонником идеи просвещённого абсолютизма, опирающейся на «образованную часть» общества, на интеллигенцию, на «философов». Просвещённый монарх — его политический идеал, который он воплотил в образе Генриха IV («Генриада»), «чувствительного» царя-философа Тевкра («Законы Миноса»), ставящего своей задачей «просветить людей, смягчить нравы своих подданных, цивилизовать дикую страну», и короля дон Педро (в одноимённой трагедии), трагически погибающего в борьбе с феодалами во имя принципа, выраженного Тевкром в словах: «Королевство - великая семья с отцом во главе. Кто имеет другое представление о монархе, тот виновен перед человечеством».

Это неверно, в последние три десятилетия своей жизни он смог освободиться от иллюзий, разуверился в возможности осуществления просвещённой монархии.

Увы, это лишь третий случай, когда он последовательно постигал истину.

Клеймил позором церковь – и признавал бога.

Писал о естествоиспытателях-атеистах: «... у меня вызывало крайнее изумление то, что люди, отлично разбирающиеся в пружинах природы, упрямо отрицают существование руки, столь явно управляющей игрой этих пружин» («Философски словарь. Атеист»).

Следуя Ньютону, отвергал воззрения Бруно и Декарта, согласно которым мир полностью заполнен материей, признавал существование пустого абсолютного пространства. Теперь мы знаем, что оно заполнено физическим вакуумом и этим же вакуумом непрерывно порождается, отчего Вселенная расширяется.

Далее - типичный деист, как Гоббс, Руссо, Толанд, Пристли, Коллинз, Кауард, Додуэлл, Гартли. Допускал существование бога, сотворившего мир, в дела которого более не вмешивается («Против атеизма», статья «Бог» в «Энциклопедии»). Он уже сам не видел руки, управляющей пружинами природы.

В противоположность, Гольбах пишет в «Системе природы»: «Природа вовсе не есть какое-то изделие, она всегда существовала сама по себе», во Вселенной нет ничего, кроме материи и ее движения.

Материя есть *causa sui*, причина самоё себя, подчеркивает Спиноза.

Наконец, в 60-х и 70-х годах, начинавшись Гольбаха, наш герой отходит от деизма, от идеи творения мира богов, от креационизма, пишет, что «природа вечна».

Более того, выступает против декартовского противопоставления души и тела, указывая на зависимость души от тела.

Более того, соглашается со Спинозой, что число атрибутов материи бесконечно.

Это второй случай.

Святой Августин считал, что все основные исторические события происходят по воле божьей.

Боссюэ утверждал, что бог действует в истории непосредственно лишь в исключительных случаях, и практика на примере двух мировых войн показывает, что за зверя представляет из себя бог Боссюэ. Наш герой причины исторических событий делил на две категории: первичные (веления бога) и вторичные – естественные, в т.ч. психологические импульсы личностей и целых народов. Хуже: утверждал, что «мнение правит миром». Эту позицию Плеханов называл порочным кругом просветительского понимания истории: ведь сами мнения – продукт общественной среды. Однако! Вот предтеча классового подхода Маркса к истории: «... я устал от тех историй, в которых речь идет о похождениях какого-нибудь короля...» - пишет он. Сталинисты, слышно, нет?

Указал, что иудаизм – не самостоятельная религия, евреи взяли ее у более древних народов, в основном, тех, которые ими правили: «Они заимствовали у финикийцев имена богов, у персов – ангелов, у арабов – переносные ковчежки, у индусов – крещение, взяли у египетских жрецов обряд обрезания, юфть из воловьей кожи, их херувимов с головой тельца или ястреба, козла Азазеля и сотню других обрядов» («Бог и люди», М., 1961, Т. 1, С. 170).

«Весь Ветхий завет, - писал он, - соответствует невежеству и грубости народа, для которого он был создан». Он издевается над мифами о переходе посуху Красного моря, об остановке «движения Солнца по небу», о приобретении человеческого голоса валаамовой ослицей, о падении стен Иерихона от звука труб – хотя последнее все пытается доказать в своих нелепых телепередачах Игорь Прокопенко. В Ветхом завете, пишет он, «нет ни одной страницы, которая бы не противоречила географии, хронологии, всем законам природы, законам истории. здравому смыслу, чести, стыдливости, честности».

Смеялся над любой теологией, не только иудаизмом (следовательно, и над производным иудаизма, исламом), но и христианством («Обед у гражданина Булэнвилле»), писал, что Новый завет сочиняли энтузиасты, которые в своей писание запечатлели свой разгул суеверной фантазии.

Считал, что людей наподобие Фомы Аквинского нужно помещать в сумасшедший дом – и не мог найти иного источника начала мира, кроме бога, а о Христе писал с уважением («Бог и люди»).

В 1722 году написал антиклерикальную поэму «За и против», доказывает, что христианская религия, предписывающая любить милосердного бога, на самом деле рисует его извергом, жестоким тираном – каковы и земные императоры.

И Мольер, и Мольер оскорблял, так оскорблял религию! См. пьесу Михаила Булгакова (да-да, Михаила Булгакова) «Кабала святош».

И - тут же! - наш герой же посвящает памфлет «Homélie sur l'athéisme» критике атеизма.

Религия для него – что-то вроде социального и нравственного регулирующего принципа, вера в бога необходима, чтобы удержать общество от саморазрушения и взаимного истребления. Иначе «всё дозволено»: «Давайте же, братья мои, по крайней мере, посмотрим, насколько полезна такая вера и сколь мы заинтересованы в том, чтобы она была запечатлена во всех сердцах. Принципы эти

необходимы для сохранения людского рода. Лишите людей представления о карающем и вознаграждающем боге - и вот Сулла и Марий с наслаждением купаются в крови своих сограждан; Август, Антоний и Лепид превосходят в жестокости Суллу, Нерон хладнокровно отдает приказ об убийстве собственной матери» («Назидательные проповеди. Проповедь первая: Об атеизме»).

Нравственность, таким образом, не возникает и общественного бытия, но привносится извне, как вышестоящая партия привносит политическое сознание в темную, косную, инертную материю рабочего класса.

Отвергал – и справедливо - метафизику Ф. Бэкона, Ламетри, Декарта, Спинозы, вместе с водой выплескивая и ребенка, всю ценность их естествознания и материализм - и не понимал диалектики. Увы, подобно Гоббсу, распространял жесткий, механистический, от Декарта, детерминизм на психику: «Всё имеет свою причину, и твоя воля, следовательно, тоже причинно обусловлена». Жестко детерминированы и желания: человек «не свободен хотеть, невозможно хотеть без причины». Понятно, человек – открытая, общественная система, но отчасти механицизм извинителен: до квантовой механики и стохастики, до преодоления картезианского детерминизма оставалось еще два столетия.

Но, разумеется, резко возражал субъективному идеализму: представления, что человеческая жизнь есть поток обманывающих сновидений, и нет никакой возможности различить сон и явь, считал

ошибочными. Пример. Приводимый Беркли пример в подтверждение отсутствия у предметов протяженности на том основании, что в лупу длина предмета кажется больше, а в перевернутую – меньше, называл нелепым.

Сомерсет Моэм называл его произведения «эталонном ясности, грации и остроумия». Пушкина, в противоположность, более интересовали его мысли, нежели форма их изложения. Достоевский использовал мотивы его повести «Кандид» при создании романа «Братья Карамазовы» и, в особенности, вставной притчи «Великий инквизитор» - в которой Достоевский эзоповым языком восстает против религии. Французский коммунист, литератор Андрэ Моруа резко критиковал Вольтера. Французский мелкобуржуазный социалист Луи Блан писал, что наш герой «по своим мнениям, по своим инстинктам, по своим прямым целям был человеком... только одной буржуазии» (А. Шахов, СПб, 1907. С. 243). Ленин считал по-другому, а вот Луи Блан, действительно, изменил своему делу и стал служить буржуазии, как и анархист Кон Бендит, один из лидеров революции 1968 года во Франции.

Консервативный продолжатель Мольера, Расина и Корнеля, но если во Франции XVIII века каждая новая пьеса его становилась событием, то в СССР не была поставлена ни одна из них. Вместо сатирической пародии в поэме «Орлеанская девственница» в СССР упрямо ставили оперу Чайковского «Орлеанская дева» по драме Шиллера. Правда, при Екатерине его пьесы шли в Смольном монастыре и в Эрмитажном театре.

В его пьесах – выпады как против теологии, так и против атеизма, как критика отчуждения продукта труда от производителя, так и одобрение деления на богатых и бедных.

«... искусство вырывать хлеб и одежду из рук тех, кто засекает поля и производит шерсть, искусство собирать сокровища целой нации в сундуках пяти или шести сотен людей...» - пишет он в том числе о буржуа.

«Самая добродетельная, а, следовательно, и самая достойная часть человечества...» - пишет он о ремесленниках и крестьянах.

В большинстве европейских стран, пишет он, крестьяне – «крепостные сеньора, некий род скотины, продаваемой и покупаемой вместе с землей» («Философские тетради». В кн. «Избранные произведения». М., 1947. С. 470, 95, 141)

И тут же! – утверждает, что общество должно делиться на «образованных и богатых» и тех, кто, «ничего не имея», «обязан на них работать» или их «забавлять». Трудящимся не нужно образование: «... если народ начнет рассуждать, всё погубило» («Письма»). Публикует антирелигиозное «Завещание» социалиста XVII века Жана Мелье и выбрасывает из него всю критику частной собственности, считая эту критику «возмутительной».

Не желает понимать, что язвы общества суть проявления отношений частной собственности, возражает ненависти бедняков к богатым: «... если вы запрещаете богачу есть рябчиков, вы этим обкрадываете бедняка, который мог бы содержать семью ловлей дичи, продаваемой богачу. Если вы не хотите, чтобы богач украшал свой дом, то этим вы разоряете сотню ремесленников. Гражданин, унижающий бедняка своей роскошью, обогащает его в больше мере, чем унижает. Скудость должна работать на изобилие, чтобы когда-нибудь сравниться с ним».

Просто современный Кодекс строителя капитализма! По степени примитивности и барской невменяемости данное суждение конкурирует с высказываниями российских чиновников: саратовской Соколовой, у которой население может пробавляться «стройнеющими макаронками», свердловской Глацких, у которой «государство не просило женщин рожать», наконец, Марии Антуанетты, жены короля Людовика XVI, когда ей сообщили, что у бедняков нет хлеба, она ответила: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные».

Наш герой будто бы не понимает, что бедняк вовсе не обязан продавать богачу рябчиков, он вполне может и сам ими питаться. Но отношения частной собственности заставляют бедняка есть картошку вместо рябчиков. И если богач хочет кушать сахар, пусть сам его и делает, своими руками.

Однако это не всё!

«Разве у бедняка есть родина?» - задает риторический вопрос Бомарше.

Наш герой продолжает последовательно: родины нет и у солдат, убивающих по приказу или за плату кого угодно. КПРФ, слышно, нет?

Аналогично питерский писак Юра Нерсесов активно выступал против антисемитизма, и тут же сам заполнял от корки до корки собственный журнал «Русское сопротивление».

Есть более близкий той эпохе пример: Шарль Морис Талейран стриг купоны как с французской разведки – за доставляемые сведения, так и с разведок враждующих с Францией государств.

И всё же... эпоха Просвещения стояла на дворе. Галилей, Тихо Браге, Кеплер, Гук и Ньютон, Френсис Бекон, Гоббс, Лейбниц, Локк, Руссо. Дидро, Гельвеций, Гольбах сумели произвести революцию в умах. Локк и Пьер Бейль пропагандировали отделение церкви от государства, общество уже отрицало божественное откровение, иезуиты были изгнаны почти из всех стран. Английская буржуазная революция, революция в Америке, Великая французская революция требовали научных открытий. Звучал голос не только третьего сословия, но левеллеров и санкюлотов.

Великая эпоха сама выбирает, что ей полезно.

Как выразился Плеханов о нашем герое: он расчищал почву для будущего развития научной мысли. В отличие от Нерсесова или Талейрана.

Франсуа-Мари Аруэ родился 21.11.1694 по Франции в семье часовщика, учился в иезуитском колледже, был поэтом-нахлебником во дворцах аристократов. «Родственник матери аббат Шатонеф, сочувствовавший его литературным увлечениям, ввел молодого человека в аристократический круг. Это было так называемое общество Тампля, объединившееся вокруг герцога Вандома — главы Ордена мальтийских рыцарей» (Википедия).

Уехал на три года в Англию, изучал политику, философию, литературу. Вернувшись, издал книгу воспоминаний, за которую издателя поместили в Бастилию, автор бежал в Лотарингию. Из-за обвинений в издевательствах над религией бежал в Нидерланды.

Снова вернулся во Францию, в 1746 году был назначен придворным поэтом и историографом, но в виду подозрений в неблагонадежности снова бежал, теперь уже в Пруссию – по приглашению короля Фридриха II, с которым состоял в переписке. Занялся денежными спекуляциями, что вызвало неудовольствие короля, и Вольтер покинул Пруссию. Поскольку въезд в Париж был ему воспрещен, отправился в Швейцарию.

Вольтер всегда удачно вкладывал деньги и с умом ими спекулировал, вследствие чего был весьма состоятельным. За баснословную сумму продал Екатерине II свою огромную библиотеку, около 7000 книг, включая переписку с императрицей, но умудрился перепродать эту переписку Бомарше.

«Я всегда удивлялся тому, - пишет Вольтер, - что мудрый Локк в начале своего трактата о человеческом разуме», столь верно опровергая врожденные идеи, утверждал при этом, будто не существует никакого понятия добра и зла, общего для всех людей. Я полагаю, что в данном случае он впал в заблуждение. Он основывается на сообщениях путешественников, указывающих, будто в некоторых странах существует обычай пожирать детей, а также матерей, когда они уже не могут рожать, что в других землях почитают как святых некоторых фанатиков, пользующихся вместо женщин ослицами...» (Вольтер. Основы философии Ньютона. Метафизика. В кн. «Вольтер». М.: Наука, 1988, С. 293). Далее Вольтер подвергает сомнению рассказы и путешественников, и тех, кто им что-либо мог рассказать или показать.

Но ведь каннибализм – факт, он сохранился до наших дней.

Джунгли принадлежащих Индонезии части острова Новая Гвинея (Ириан-Джая) и остров Калимантан (Борнео) заселяют, в частности, 7-8 млн даяков. Самыми лакомыми частями тела у них считаются голова (язык, щеки, кожа с подбородка, извлекаемый через носовую полость или ушное отверстие мозг), мясо с бедер и икр, сердце, ладони. Инициаторами многолюдных походов за черепами являются женщины.

Живущие в Ириан-Джая (западная часть Новой Гвинеи) папуасские этносы (дугум-дани, капауку, маринд-аним, асмат и другие) непрочь поесть людей и отличаются небывалой жестокостью. Особенно им нравится печень с травами.

Каннибализм распространен в Индии, в Нигерии, Сьерра-Леоне, Бенине, Того, ЮАР, Бразилии. Едят людей не только от голода, но и в силу различных верований.

Локк совершенно верно отвергает существование единой общей нравственности для всего человечества. Здесь два момента. С одной стороны, зависимость нравственности от этноса была возведена релятивистами, в частности, анархистом Фейерабендом, в абсолют, что привело их к отрицанию существования истины. С другой стороны, и Локк понимает добро и зло как извечно данные для каждого этноса, не понимает процесса их становления. Нравственность не привносится церковью, она рождается в общественном бытии.

Главное же в том, что понятия добра и зла являются классовыми, они различны не только для разных этносов, но и для враждующих классов.

Однако Вольтер продолжает искать истину.

«... в своем грандиозном «Опыте о нравах и духе народов» (1756—1769) писатель дает широкую панораму исторического развития всех народов, уделяя, в частности, очень большое внимание Востоку, особенно Индии и Китаю. В этом труде Вольтер выступает против исторических концепций прошлого, прежде всего против воззрений Боссюэ, смотревшего на мировую историю сквозь призму христианства. В оценке прошлых эпох Вольтер довольно пессимистичен, он везде находит проявления ожесточенного религиозного фанатизма и деспотизм правителей, зло и несправедливость: «Следует сознаться, — пишет Вольтер, — что всеобщая история человечества представляет собою нагромождение преступлений, безумств и несчастий, среди которых мы видим кое-какие добродетели, некоторые счастливые периоды, подобно тому как среди диких пустынь встречаются разбросанные то там то сям отдельные селения». При всей пессимистичности этой оценки нельзя не отметить стремление Вольтера выделить в истории какие-то отдельные «счастливые» периоды. Эти светлые моменты писатель обнаруживает там, где на какой-то миг над фанатизмом и деспотизмом восторжествовал разум, напр., в Афинах времен автократии Перикла. Для Вольтера характерна идея исторического прогресса, который он связывает с достижениями человеческой мысли, с просвещением» (Михайлов А. Д. Вольтер после 1749 г. История всемирной литературы: В 9 томах. АН СССР; Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1983-1994. Т. 5. 1988. С. 119-129).

Действительно, Вольтер, Тюрго, Кондорсе – проповедники прогресса в истории.

Это третий случай.

«Растекашеся мыслию по древу...» Мысль Вольтера не сжата, не лаконична, она скачет из стороны в сторону, аргументы подчас слабенькие, он беспредельно многословен, постоянно описывает собственные впечатления.

Но чем был жив Вольтер?

Человек ничтожен, утверждал Паскаль, его знания ничтожны, для вселенной он ничто, он подвержен низменным страстям, глупостям, он, наконец, смертен, продолжительность его жизни для вселенной – исчезающе малая величина. Да, человек мыслит, это возвышает его над прочей органической материей, но это «мыслящий тростник».

Да, человек мало знает, но с каждым днем узнает все больше, его познания расширяются, возражал Вольтер. Увы, в целом критика Вольтера пессимизма Паскаля – ничтожна.

Возражал Вольтер и придурковатому оптимизму Лейбница, Болингброка, Попа, Шефтсебери, для которых все несчастья – предпосылка счастья, и так бог устроил мир, что всё к лучшему. Дескать, не ропщи на бога, вини во всем себя. Ограбили, избили, покалечили, пристрелили старушку? Сама виновата, не научилась вовремя качать маятник, чтобы от пуль уворачиваться. И татаро-монгольское иго тоже на совести славян, неча было хлеб сеять и размножаться.

«Кандид» Вольтера бьет не только по «оптимизму» Лейбница, но, главное, по вере во всеблагое провидение. Сущность добра и зла, утверждает Вольтер, всецело посюстороння, не надо отвлекать внимание от земного зла, не надо деяния тирана объяснять происками дьявола, не надо подменять борьбу со злом молитвами.

Да разве было до скуки в такую бурную эпоху?

И разве не счастье – Вольтер жил в одно время с великими умами, он полемизировал с гениями. До эпохи тотального кретинизма оставалось еще два с половиной столетия.

Вольтер имел мужество говорить правду в лицо церковникам. Тем он сегодня актуален. Ленин говорил, что «насмешки и издевательства Вольтера над католицизмом в высшей степени полезно для дезинфекции человеческого ума от миазмов религиозного тумана и представления о недостижимости и неприкосновенности всей той божественной чепухи, которую сотни лет внедряли в сознание всех классов населения ловки пройдохи всех религий, всех народов» (В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения. М., 1973, С. 63). КПРФ, слышно, нет? В эпоху, когда население страны на 99% состоит из таких, как чеховские Войницкая, Орловский, профессор Серебряков, Юлия Степановна, Федор Иванович, Дядин (Вафля), Желтухин, этих чудовищно глупых, агрессивных в своей глупости животных, неменяемых, как Серебряков, современные физики и лирики тоже имеют мужество – выбросить свою совесть и разум на помойку и продать душу в обмен на благополучие.

Январь-февраль 2022